

КАК НАПИСАТЬ ПРОШЕНИЕ К ВЕЛЬМОЖЕ? ВИЗАНТИЙСКИЙ УЧЕБНИК ПО ARS EPISTOLANDI И ЕГО ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ¹

Предмет данного исследования – анонимное руководство по эпистолярному мастерству, написанное в XII–XIII вв. (сокр. Ch40). Трактат включает 40 образцов, относящихся к 40 типам писем. Делается попытка доказать, что Ch40 – не только школьный учебник по риторике, но и практическое пособие по эпистолярному искусству. Для этой цели образцы Ch40 рассматриваются в контексте эпистолярной практики IX–XV вв. Демонстрируется, что письма содержат не только этикетные формулы, но и ряд оборотов и клише, которые повторяются во многих письмах средне- и поздневизантийского периода.

Ключевые слова: Византийская эпистолография; эпистолярная теория; письмовник; византийская система образования; риторическая теория; Псевдо-Либаний; *Characteres epistolici*

О византийской эпистолярной теории, в отличие от западноевропейской *ars dictaminis*², мы знаем немного. Во-первых, сохранилось мало текстов, относящихся к этой сфере – учебников, письмовников или сборников формуляров – а во-вторых, даже то немногое, что дошло до нас, в основном совершенно не изучено или даже не издано³. Об одном из таких текстов, широко известных в поздневизантийскую эпоху, и пойдет речь в настоящей статье.

Анонимный трактат по эпистолярному искусству, состоящий из сорока образцовых писем, мы будем называть *Characteres epistolici XL* (далее сокр. Ch40, изд.: СР). Образцы соответствуют сорока типам писем, по одному образцу на каждый тип. Типы выделяются исходя из содержания и цели письма. Так, письма могут быть «наставительные», «укоризненные», «просительные», «рекомендательные», «дружеские» и т. д.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00207

² О западноевропейской средневековой эпистолярной теории см.: Hartmann 2013; Murphy 1981

³ Основные данные о византийской теории письма см. в кн.: Grünbart 2005: 43–56

Особое место занимает «смешанное» письмо, совмещающее черты разных типов. Перечень разновидностей писем, выделяемых в Ch40, почти полностью совпадает со списком из 41 типа писем, представленным в позднеантичном трактате Псевдо-Либания «Стили писем» (предпол., V в.)⁴: в Ch40 отсутствуют «ироническое» (PL. 56) и «самоуничижительное» (PL. 87) письма, а вместо них вводится «совещательное» (CP. 38). Сами образцовые письма тоже, в большинстве своем, восходят к трактату Псевдо-Либания, но в несколько раз превосходят их по объему: если в позднеантичном трактате образцы состоят из одной-двух коротких фраз, то в Ch40 они занимают в среднем до половины страницы. Ch40, сохранившийся в большом количестве рукописей⁵, публиковался лишь однажды в Константинополе (CP) в не критическом издании по неполному тексту и почти не исследовался (Rabe 1909; Chernoglazov 2018). Критическое издание Ch40, в настоящее время готовящееся автором настоящей статьи, позволит ввести этот памятник в научный оборот.

Исследование рукописной традиции и источников Ch40, проведенное нами ранее (Chernoglazov 2018), позволило сделать следующие выводы:

1. Трактат был создан в промежуток между серединой XII и началом XIV вв.

2. В изначальной версии Ch40 был анонимным – авторство Михаила Пселла присутствует лишь в двух поздних рукописях. Трактат был озаглавлен: *Χαρακτῆρες ἐπιστολῶν διάφοροι* ‘Различные стили писем’; текст не содержал ни предисловия, ни определения эпистолярных типов. И то, и другое было добавлено в некоторые его версии.

3. Наряду с другими трактатами, тоже восходящими к «Стилям писем» Псевдо-Либания, Ch40, по всей вероятности, использовался как школьный учебник. Схолии на полях рукописей наводят на мысль, что он мог функционировать как приложение к трактату «О нахождении» (Псевдо-) Гермогена Тарсийского в качестве антологии различных приемов риторической аргументации.

⁴ Изд.: PL. О трактате см.: Sykutris 1928/1929; Malosse 2004.

⁵ Перечень рукописей приводится в ст.: Chernoglazov 2018.

Изучение Ch40 как учебника по теории аргументации – особая тема, которой будет посвящено отдельное исследование. В рамках настоящей статьи трактат будет рассмотрен как письмовник, т.е. как руководство по эпистолярному мастерству. Мы попытаемся показать, что Ch40 представляет собой практическое пособие, которое вполне можно было использовать при написании реального письма реальному адресату. Для этого целесообразно будет проанализировать образцовые письма в контексте византийской эпистолярной практики средне- и поздневизантийской эпохи. Будет продемонстрировано, что образцовые письма Ch40 вполне вписываются в этот контекст.

Как известно, в Византии существовал сложный и детально разработанный эпистолярный этикет⁶. Для каждой распространенной ситуации (упрек в молчании, похвала полученного письма, утешение и т. д.) были предусмотрены клише, которые необходимо было знать и своевременно использовать. Анализ образцовых писем Ch40 показывает, что они вполне соответствуют этикетным нормам, действовавшим в IX–XV вв. Обратимся к тем письмам, где эти параллели проступают наиболее явно.

Содержание «дружеского письма» (φιλική ἐπιστολή, СР. 6) сводится к следующему: зачастую друзьям приходится разлучаться, но никакие расстояния не в силах воспрепятствовать единству их душ; потому и автор, разлученный с возлюбленным адресатом, носит его образ в сердце; он хотел бы увидеть друга и телесными очами, но, раз это невозможно, он, пользуясь удобным случаем, отправляет письмо; должно, чтобы друзья переписывались, когда они не могут видаться лично; пусть адресат знает, что автор никогда его не забудет.

Даже краткий пересказ письма показывает, что оно содержит основополагающие мотивы византийского письма – «мистическое» единство друзей, образ друга в сердце, иллюзия присутствия и т. д. (Karlsson 1959) «Дружеское» письмо, т. е. письмо с изъявлением дружеских чувств – одно из самых распространенных в византийской практике (Hunger 1978: 222–223). Однако, актуальность образцового письма проявляется не толь-

⁶ О византийском эпистолярном этикете см.: Koskenniemi 1956; Thraede 1970; Karlsson 1959; Hunger 1978: 214–233; Littlewood 1999; Черноглазов 2010.

ко в его содержании, но и в конкретных лексических оборотах. Так, напр., говорится, что между автором и адресатом «возгорелось пламя дружбы, великое и неугасимое» (φιλίας ἀνήπτει πυρσός, πολὺς τε καὶ ἄσβεστος – СР.: 52. 29–30). Сходные выражения употребляют весьма многие византийские эпистолографы, напр.:

Феодорит Киррский (V в.): τὸν τῆς φιλίας ὑφῆπτε πυρσόν (Theod. Cyr. 49. 11) ‘зажгло пламя дружбы’

Игнатий Диакон (IX в.): τὸν τῆς φιλίας πυρσὸν ἀνάψαι (Ign. Dias. 20. 12) ‘возжечь пламя дружбы’

Анонимный учитель (X в.): τῷ τε πυρσῷ τῆς σῆς φιλίας ἔτι προσαναπτόμενοι (Anon. Prof. 106. 12) ‘еще более возжигаемые пламенем твоей дружбы’

Лев Синадский (X в.): τὸν τηλικοῦτον τῆς φιλίας ἀποσβέσει πυρσόν (Leo Syn. 34. 7) ‘угасит столь [великое] пламя дружбы’

Геннадий Схоларий (XV в.): εἰς πυρσὸν ἀνάψας εὐθὺς τὸν τῆς φιλίας σπινθήρα (Genn. Schol. 25, p. 450. 5) ‘тотчас возожжет искру дружбы в пламя’.

Еще одно клише, употребленное в «дружеском» письме Ch40, заключается в следующем. Рассуждая о дружбе вообще и о своих чувствах к адресату, автор утверждает:

Σύνεισι γὰρ ἀληθῶς αἱ τῶν ποθοῦντων ψυχαὶ τοῖς ἐρωμένοις ἀχώριστοι, καὶ μορφὰς αὐτῶν καὶ πρόσωπα, καὶ ὁμιλίας ἐκείνων φαντάζονται (СР.: 52. 27–29) ‘Поистине души любящих пребывают вместе с возлюбленными неразлучно, воображают их облик, лицо и речь’. И далее: οἷον περιφέρω διὰ παντὸς, καὶ βλέπω σε τοῖς ψυχικοῖς ὀφθαλμοῖς καὶ περιπτύσσομαι (СР.: 52. 29–53. 1) ‘я постоянно словно ношу с собой [твой образ], вижу тебя душевными очами и обнимаю’.

Сходные идеи с теми же ключевыми словами можно найти у многих других эпистолографов, которые тоже «носят повсюду» образ друга и «воображают» его, созерцая «очами» души или сердца. Вот несколько примеров⁷.

Иоанн Златоуст (IV–V вв.): ἀεὶ σε ἐπὶ τῆς διανοίας **περιφέρομεν** ... ὡς παρόντα καὶ πλησίον ὄντα, οὕτω καὶ ὁρῶμεν καὶ **φантаζόμεθα**, τοῖς τῆς ἀγάπης **ὀφθαλμοῖς** ... σε **βλέποντες** (Joann. Chrys. 625. 35–41) ‘в мыслях мы всегда тебя носим с

⁷ Жирным шрифтом выделены лексические совпадения с Ch40

собой... словно ты здесь и рядом, так мы и видим и воображаем, видя тебя... очами любви'

Он же: τοῖς ὀφθαλμοῖς τῆς ἀγάπης ὑμᾶς καθ' ἑκάστην φανταζόμεθα τὴν ἡμέραν, καὶ περιπτυσσόμεθα (Joann. Chrys. 702. 31–33) 'мы очами любви вас каждый день воображаем и обнимаем'

Хартофилак Никифор Игнатию Диакону (IX в.): ἀεὶ κατὰ νοῦν τὴν σὴν ... ἀρετὴν περιφέροντες διὰ παντὸς ἐνοπτρίζομεθα ταύτην καί, ὡσπερ κατ' ὀφθαλμοὺς βλέπομεν, οὕτω τὰ τῆς ὑμῶν ἐπιεικειᾶς ἰνδάλματα φαντάζεται παρ' ἡμῖν (Ign. Dias. 64. 1–4) 'мы всегда в уме носим с собой твою ... добродетель и постоянно созерцаем ее и, словно мы видим [тебя] очами, так воображается нами образ Вашей доброты'.

Симеон Логофет (X в.): Οὕτως ἐγὼ σύνειμι διὰ παντὸς ... καὶ εἷς διὰ παντὸς ἀφ' ἡμῶν ἀδιαίρετος κατὰ νοῦν φανταζόμενος (Sym. Log. 111. 15–18) 'Так я постоянно вместе с тобой ... Да будь постоянно с нами неразлучен, воображаемый в уме'.

Михаил Хониат (XII – XIII вв.): ἐν μέσῃ τῇ χώρᾳ τῆς ψυχῆς ὅλους φέρον ἡμᾶς, ὡσπερ καὶ ἡμεῖς ὅλον σε κατὰ νοῦν φανταζόμενοι φέρομεν. Οὕτω γὰρ ... πείθομαι ... ἀχωρίστως ἐνίξεσθαι (Mich. Chon. 15. 14–16) 'в срединной части души ты носишь всецело нас, как и мы носим всецело тебя, воображая в уме. Ибо так, я убежден... мы неразлучно соединяемся'.

Череду подобных примеров можно было бы продолжить. Мы показали, что эталон «дружеского письма» не только развивает этикетные мотивы, но и использует ключевые слова и обороты, характерные для очень многих византийских писем. Текст вполне мог послужить удобной моделью для практического применения. То же можно сказать и о других письмах Ch40, в частности, о «пожелательном» (εὐκτικὴ ἐπιστολή – CP., ер. ба⁸). Содержание таково: автор хотел бы прибыть к адресату и жить с ним неразлучно, но жизненные невзгоды мешают этому; автор молит Бога, чтобы Он дал ему возможно увидеться лично с адресатом и его родными, и чтобы все они были здоровы.

⁸ CP., ер. ба = р. 53. 12–22. В CP «пожелательное» письмо составляет единое целое с предшествующим, «дружеским», но в рукописях, содержащих более полный текст, близкий к архетипу, εὐκτικὴ ἐπιστολή – отдельный тип письма и отдельный образец.

Перед нами вновь этикетное послание, каких можно немало найти в византийской эпистолярной практике. Пожелание личной встречи – один из фундаментальных мотивов письма еще со времен античности (Koskenniemi 1956: 169–172), и в Византии эта тема развивается в огромном множестве писем (Karls-son 1959). Однако, как и в предшествующем примере, нас будет интересовать не столько сам мотив, сколько его словесное выражение. Сосредоточимся на одной формуле. Так, автор изъявляет желание «чаще наслаждаться твоими сладостными беседами»: *συχνοτέρως τῶν γλυκερῶν σου καταπολεύσαιμι ὁμιλιῶν* (CP., p. 53. 16). Данная конструкция – и, как правило, именно в этой эпистолярной ситуации – часто встречается в письмах: авторы жаждут «насладиться беседой» адресата, которая характеризуется как «сладкая», «приятная» и т. д. Подчеркнем, что это клише не типично для ранневизантийской эпистолографии, но входит в обиход лишь начиная с IX–X вв. Приведем ряд примеров:

Анонимный учитель (X в.): *εἰ ... τῆς γλυκείας ἀπολαῦσαι σου τῶν λόγων ὁμιλίας ἀξιωθείημεν* (Anon. Prof. 64. 38–40) ‘если бы ... мы были удостоены насладиться твоей приятной беседой [и] речами’

Симеон Логофет (X в.): *Εὐχου τοίνυν ... τῆς κατὰ πρόσωπον ὁμιλίας ... ἀπολαύσαιμεν* (Sym. Log. 11. 11–15) ‘Так молись ... чтобы мы насладились ... личной беседой’.

Иоанн Цец (XII в.): *ἐφετὸν δὲ μόνον ἡμῖν ... ὁμιλίας σῆς ποθεινοτάτης ἐπαπολαῦσαι* (Joann. Tz. 80: 119. 22–24) ‘единственное, что для нас вожделенно ... насладиться твоей желаннейшей беседой’

Константин Акрополит (XIII – XIV вв.): *ἐμφορηθείην ἠδίστης ὁμιλίας καὶ ποθουμένης ὄψεως ἀπολαύσαιμι* (Const. Acr. 21. 2) ‘да наполнюсь приятнейшей беседой и наслажусь желанным видом’

Никифор Григора (XIV в.): *ἐβουλόμην καὶ αὐτὸς ἔγωγε ... τῆς ὑμῶν ἀπολαύειν συχνότερον θαυμαστῆς ὁμιλίας* (Nic. Greg. 71a. 48–50) ‘и я тоже хотел ... чаще наслаждаться вашей дивной беседой’

Он же: *βούλομαι διὰ βίου ... τῆς σῆς ἀπολαύειν χρυσοῦς καὶ παντοδαπῆς ὁμιλίας* (Nic. Greg. 132.27–28) ‘хочу всю жизнь ... наслаждаться твоей златой беседой на всяческие [темы]’.

Итак, «пожелательное» письмо, вполне соответствуя этикетным нормам византийской эпистолографии, способно подсказать читателю несколько полезных мотивов и выражений. Следующий пример, который мы рассмотрим – письмо «ответное» (ἀντεπισταλτικὴ ἐπιστολή). Вот его содержание: автор рад тому, что у адресата все благополучно; в полученном от него письме он увидел самого его творца, т. е. адресата; от радости даже запоздав с ответом, автор отправляет адресату короткое письмо и просит его писать чаще.

Письмо содержит целый ряд распространенных этикетных мотивов⁹: радость от полученного письма; письмо как «образ души» ее автора; извинение за опоздание и краткость ответа; призыв писать чаще. Рассмотрим одну фразу письма, которая может показаться не совсем тривиальной: καὶ τὴν ἐπιστολὴν ἐγκολπωσάμενος, ὡς αὐτόν σε τὸν τεχνίτην κατησπάζομην ἐκ πόθου συχνάκις ‘положив письмо за пазуху, я часто от вожделения целовал [его], словно тебя самого, [его] создателя’.

Насколько такая восторженная реакция отвечает этикетным нормам? В письмах X–XI вв. мы обнаружили три похожих контекста. Первые два содержатся в письмах Феодора Кизического императору Константину VII Багрянородному. В одном из них Феодор признается: «я поцеловал [письмо] устами, ибо мне казалось, что я целую написавшую [его] руку» (τῷ στόματι κατεφίλησα, αὐτὴν δοκῶν τὴν γράψασαν χεῖρα ἀσπάξασθαι – Theod. Syz. I. 2. 25–26), а далее добавляет, что он «носит [письмо] за пазухой, словно сокровище» (ὡς θησαύρισμα φέρω ἐγκόλλιον – Theod. Syz. I. 2. 30). В другом послании Феодор замечает, что он «целует письма вместо рук, если они ими начертаны» (τὰ γράμματα κατασπάξασθαι ἀντὶ χειρῶν, εἴ γε τούτων τυγχάνει χαράγματα – Theod. Syz. II. 2. 36–38). Еще один любопытный пример – письмо Иоанна Мавропода (XI в.): полученное послание сравнивается с соловьем, и автор, очарованный его пением, носит письмо с собой «за пазухой» (Joann. Maur. 1. 27); там же – как и в образце Ch40 – автор полученного письма называется τεχνίτης ‘создатель, мастер’ (Joann. Maur. 1. 31). Таким образом, мы вновь имеем дело с топосом, известным, по крайней мере, в средневизантийскую эпоху.

⁹ Об этих мотивах, связанных с похвалой полученного письма, см.: Черноглазов 2010.

Последний образец, на котором мы подробно остановимся – это письмо «смешанное» (μικτὴ ἐπιστολή – СР. 40), завершающее сборник. Содержание письма таково: автор – смиренный раб высокопоставленного адресата (это «логофет василевса»); он желает адресату, его жене и детям благополучия; поскольку адресат известен своим милосердием, автор дерзновенно обращается к нему с прошением; адресат – словно солнце, озаряющее всех, и автор спешит прибегнуть к нему, ибо он «замерз» от бедности; адресат – последняя надежда автора.

Сходная ситуация представлена еще в трех письмах Ch40: в «просительном» (СР. 3) автор просит адресата-благодетеля оградить его от посягательств некоего злодея; в «повествовательном» письме (СР. 18) автор жалуется уже на множество врагов, «пожирающих» его, и просит могущественного адресата о помощи; в «ходатайствующем» (СР. 24) он тоже просит о заступничестве в деле, суть которого не разъясняется. Все четыре образца, несмотря на принадлежность к разным типам, относятся к одной и той же категории письма-прошения – παρακλητική или, как оно чаще называлось в Византии, δεητική ἐπιστολή / δεητήριον γράμμα ‘просительное письмо, письмо-прошение’. Последний термин, кстати, появляется в тексте рассматриваемого нами «смешанного» письма: автор сам называет свое письмо δεητήριον. Письма-прошения, от сугубо личных до строго официальных, обращенных к императору или церковному иерарху¹⁰, были распространенным явлением. Умение составить прошение грамотно и изящно было весьма востребовано¹¹ – именно поэтому такого рода письма широко представлены в письмовниках (напр., в собрании образцовых писем Афанасия Хатзикиса¹², XIII в.) и в сборниках формуляров (напр., в собрании зачинов к письмам¹³). Можно вспомнить и Иоанна Цеца, принимавшего заказы на составление «изящных аттических просительных писем»¹⁴. То, что в Ch40 целых четыре письма-

¹⁰ Joann. Scyl. Niceph 2. 23. 7; Nic. Mes. 1, p. 24. 14; Dem. Chom. 38. 4; 61. 3.

¹¹ Об этикетных нормах прошений в поздней Античности см. работы А. Б. Ковельмана, напр.: Ковельман 1984.

¹² Ath. Chatz. Ep. 2, 4, 7 носят название δεητική ‘просительное’ [письмо].

¹³ Напр., зачин письма «к милостивому вельможе»: Ekth. P. 76. 7–12.

¹⁴ Joann. Tz. 35. См. также ep. 9, 30 – прошения, составленные Иоанном Цецем от лица других людей

прошения и одно из них, «смешанное», самое пространное и разработанное во всем сборнике, явно свидетельствует о его практической направленности.

«Смешанное» письмо вполне вписывается в ряд писем-прошений, которые мы находим в византийской практике. Так, важным элементом прошения было *captatio benevolentiae* – восхваление адресата как всеобщего благодетеля и сравнение его с Богом. Конкретнее, это нашло отражение в формуле *μετὰ θεὸν ἀντιλήπτωρ* ‘[первый] заступник после Бога’. В «смешанном» письме Ch40 этот мотив представлен вполне отчетливо: автор утверждает, что Бог явил адресата «защитником» (*προστάτην*) и «заступником» (*ἀντιλήπτορα*) всех обиженных и притесняемых (CP. 70. 18–20), а в конце письма заявляет, что только на адресата «после Бога» возлагаются все его надежды (CP. 71. 10–11). Также и в «повествовательном» письме автор надеется на «заступничество» (*ἀντιλήψεως*) со стороны адресата «после Бога» (*μετὰ θεόν* – CP. 59. 28–30). Сходные идеи и выражения мы находим во многих письмах, преимущественно, средне- и поздневизантийской эпохи, тоже содержащих прошение к высокопоставленному адресату. Приведем ряд примеров:

Игнатий Диякон (IX в.): *τὴν ὑμετέραν ἐγκαλοῦμεν μετὰ θεὸν θερμὴν καὶ ὀξύτατην ἀντίληψιν* (Ign. Diac. 7. 9–10) ‘мы взываем после Бога к Вашему заступничеству, горячему и наискорейшему’

Феофилакт Охридский (XI в.): *Θεὸς τοῖς πτωχοῖς τούτοις μέρεσι θεὸν ἐπαπέστειλε τὴν σὴν ἀντίληψιν, πανσέβαστέ μου αὐθέντα καὶ ἀντιλήπτορ* (Theoph. Achr. 11. 2–3) ‘Бог послал этим нищим землям твое заступничество как бога, всесвященнейший мой господин и заступник’

Михаил Хониат (XII–XIII вв.): *θεὸς ... κοινὸν προστατήν τοῦ ῥωμαϊκοῦ γένους καὶ τῶν τῆς βασιλείας πραγμάτων κοσμήτορα κατεστήσατο* (Mich. Chon. 60. 2–5) ‘Бог ... поставил [тебя] всеобщим защитником ромейского рода и управляющим царскими делами’

Григорий Акиндин (XIV в.): *ἔχων τὸν ἐμαυτοῦ δεσπότην μετὰ Θεὸν ἀντιλήπτορα* (Greg. Acind. 63. 39–40) ‘имея моего владыку заступником после Бога’

Сходная формула зафиксирована и в поздневизантийском собрании формуляров и зачинов к письмам. Среди обращений к «вельможе благородному и старцу» имеется и такое: *προστάτα*

μου μετὰ Θεὸν καὶ εὐργέτα (Ekth. 70. 8–9) ‘защитник мой после Бога и благодетель’.

Другое клише, которую мы встречаем в «смешанном» письме, представляет собой формулу самоуничижения. Автор пишет, что он обращается к «великолепнейшему и всеблагоднейшему» логофету, τὴν παρ’ ἐμοῦ σοι χρεωστουμένην δουλικὴν προσκύνησιν ἀποδίδους (CP. 70. 16–17) ‘от моего [лица] тебе совершая подобающее рабское поклонение’.

Данная формула была весьма распространена, особенно в поздневизантийскую эпоху, и не только в письмах-прошениях, но и вообще в любых случаях, когда следовало обратиться к высокопоставленной особе. Приведем ряд примеров.

Николай Месарит (XII–XIII вв.), послание к императору от лица константинопольцев: Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει ... συνηθροισμένος ἱ[ερέων κλήρο]ς δουλικὴν τὴν προσκύνησιν δι’ ἡμῶν σοι προσφέρει (Nic. Mes. 1. 19–21) ‘Собравшийся в Константинополе ... клир священнослужителей приносит тебе чрез нас рабское поклонение’

Мануил Рауль (XIV в.), письмо Симону Ласкарису: πρό γε πάντων τὴν ὀφειλομένην δουλικὴν προσκύνησιν ἀποδοῦς τοῖς ἀγίοις ἡμῶν αὐθένταις (Man. Rhaul 3. 46–47) ‘прежде всего отдав подобающее рабское поклонение нашим святым господам’.

Иоанн Эрмитиан (XV в.), «Обращение к папе Римскому» от лица Мануила Палеолога: ἤκω τὴν ὀφειλομένην ἀποδώσω εὐχαριστίαν σὺν προσκυνήσει δουλικῇ (Char. Herm. 1. 7–8) ‘я пришел, чтобы отдать [тебе] подобающую благодарность с рабским поклонением’.

Итак, на примере нескольких писем Ch40 мы показали, что этот сборник мог использоваться как практическое руководство по эпистолярному мастерству. Вооружившись этим письмовником и взяв за основу его образцы, пользователь вполне мог составить изящное и корректное письмо, соответствующее этикетным нормам – будь то вежливое изъявление дружеских чувств или полуофициальное прошение к вельможе. Помимо рассмотренных нами *exempla*, столь же полезны были и другие образцовые письма Ch40, напр., «утешительное» (CP. 16), «рекомендательное» (4), «похвальное» (25) и т.д. Однако, следует отметить, это относится не ко всем сорока посланиям. Такие письма как, напр., «уничижительное» (11), «оскорбительное» (17) или «издевательское» (34), навряд ли были часто вос-

требованы как образцы реальных писем. Составление бранных посланий, написанных изящным «аттическим» слогом, не было насущной задачей, да и этикетных норм для этих ситуаций не существовало – среди сохранившейся переписки византийцев бранных писем ничтожно мало¹⁵. Образцы Ch40, отражающие негативное отношение к адресату – пожалуй, во всем сборнике самые яркие, образные, расцвеченные метафорами, пословицами и цитатами – были, скорее, риторическими упражнениями на заданную тему.

Характеризуя практическую значимость Ch40, необходимо оговорить и еще один нюанс. Образцовые письма показывали, как строить риторическую аргументацию, в них можно было найти мотивы и клише на все случаи жизни (вплоть до самых редких!), но ни слова не сказано о внешнем оформлении письма – как послание надписать, как поставить подпись в конце и т.д. Этим сугубо техническим вопросам посвящались иного рода пособия, некоторые из которых изданы Ж. Даррузе (Ekth.). Ch40 сконцентрирован на риторическом содержании письма, но это отнюдь не умаляет его практической значимости. Направленность на практическое применение отличает Ch40 от других византийских письмовников подобного рода. Так, трактат «Стили писем» Псевдо-Либания в своей изначальной форме многократно копировался и даже, вероятно, изучался в школе, но составить с его помощью конкретное письмо было едва ли возможно – содержащиеся в нем образцы были слишком кратки и не содержали ключевых этикетных формул. То же можно сказать и о другом трактате, тоже восходящем к учебнику Псевдо-Либания, и сохранившемся в Cod. Vat. 1405. Этот сборник был создан исключительно для учебного процесса, и почти все его образцы носят отчетливо дидактический характер. Ch40, по-видимому, совмещал в себе две функции, будучи и школьным учебником по теории аргументации, и практическим пособием по *ars epistolandi*. Этим, вероятно, и обусловлена высокая популярность сборника, который продолжал использоваться вплоть до XVIII в., как в исконном виде, так и в различных переложениях и новогреческих переводах.

¹⁵ Данные в рамках средневизантийской эпохи приведены в кн.: Grünbart 2005: 128–131.

Источники

- Ath. Chatz. – A. Fagherazzi, *Modelli epistolari di Atanasio Chatzikis* / ed. A. Fagherazzi. *Studi bizantini e neogreci*. Quaderni 19. Padova, 1981. P. 31–51.
- Anon. Prof. – *Anonymi Professoris Epistulae* / ed. A. Markopoulos. Berlin: De Gruyter, 2000.
- Char. Herm. – Lampros S. P. *Παλαιολόγεια και Πελοποννησιακά*, Δ. Αθήνα, 1930
- Const. Acr. – *Costantino Acropolita, Epistole* / ed. R. Romano. Napoli, 1991.
- CP. – Ἐπιστολάριον ἐκ διαφορῶν ἐρανισθέν καί τυπωθέν πατριαρχεύοντος τοῦ Παναγιωτάτου καί Θειωτάτου Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου κυρίου κυρίου Καλλινίκου, προσφωνηθέν δέ τοῖς τῶν Ἑλλήνων φιλομαθέσι νέοις, ἤδη πρῶτον ἐκδίδεται. Κωνσταντινούπολη, Τυπογραφεῖο τοῦ Πατριαρχείου. Σ. 49–71.
- Dem. Chom. – Demetrius Chomatenus, *Πονήματα διάφορα* / ed. G. Prinzing. Berlin, 2002.
- Ekth. – Darrouzès J. *Ekthésis néa. Manuel des pittakia du XIVE siècle*. In: *Revue des Études Byzantines*. 1969. T. 27. P. 5–127.
- Genn. Schol. – *Epistulae Georgii Scholarii (ante 1450)* / ed. M. Jugie, L. Petit, X. A. Siderides. *Oeuvres complètes de Georges (Gennadios) Scholarios*. Vol. 4. Paris, 1935. P. 398–473.
- Greg. Acind. – *Letters of Gregory Akindynos* / ed. A. Constantinides-Hero. Washington, D.C, 1983.
- Ign. Diac. – *Ignatii Diaconi epistolae* / Ed. C. Mango. Dumbarton Oaks, 1997.
- Joann. Chrys. – *Patrologiae cursus completus (series Graeca)* / ed. J.-P. Migne. T. 52. Paris, 1857.
- Joann. Maur. – *Ioannis Mauropodis Euchaitorum metropolitae epistulae* / Ed. A. Karpozilos. Thessalonicae, 1990.
- Joann. Scyl. – *Ioannis Scylitzae synopsis historiarum* / ed. J. Thurn. Berlin: De Gruyter, 1973.
- Joann. Tz. – *Ioannis Tzetzae epistulae* / ed. P. L. M. Leone. Leipzig: Teubner, 1972.
- Leo Syn. – *The Correspondence of Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus* / ed. M. P. Vinson. Washington, 1985.
- Man. Rhaul – *Emmanuelis Raul Epistulae XII* / ed. R.-J. Loenertz // Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1956. T. 26. P. 130-162
- Mich. Chon. – *Michaelis Choniatae epistulae* / ed. F. Kolovou. Berlin, New York, 2001.
- Nic. Greg. – *Nicephori Gregorae Epistulae* / ed. P.L.M. Leone. Matino, 1983.
- Nic. Mes. – Nicolaus Mesarites. *Rogationes ad imperatorem Theodorum Lascarem* / ed. A. Heisenberg. *Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. II. Die Unionsverhandlungen vom 30. August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208*. London, 1973. P. 25–34.
- PL. – *Libanii Opera omnia* / edd. R. Foerster, E. Richtsteig. Vol. IX. Leipzig, 1927

- Sym. Log. – *Épistoliers byzantins du Xe siècle* / Ed. J. Darrouzès. Paris, 1960. P. 99–163
- Theod. Cyr. – *Théodoret de Cyr. Correspondance I* / ed. Y. Azéma. Paris, 1955.
- Theod. Cyz. – *Theodori metropolitae Cyzici epistulae, accedunt epistulae mutuae Constantini Porphyrogeniti* (CFHB, vol. XLVIII, series Berolinensis) / rec. M. Tziatzi-Papagianni. Berlin: de Gruyter, 2012.
- Theoph. Achr. – *Theophylacti Achridensis epistulae* / Rec. P. Gautier. Thessalonicae, 1986.

Литература

- Chernoglazov, D. 2010: Laus epistulae acceptae: observations on the evolution of the Byzantine epistolary compliment. *Vizantijskij vremennik* 69, 174–186.
Черноглазов, Д. А. 2010: Laus epistulae acceptae: об эволюции византийского эпистолярного комплимента. *Византийский временник* 69 (94), 174 – 186
- Chernoglazov, D. 2017: Ancient epistolary theory in Byzantium: observations on an unpublished Greek manual of Cod. Vat. gr. 1405. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 21, 838–849.
Черноглазов, Д. А. 2017: Античная эпистолярная теория в Византии: замечания о неизданном греческом учебнике из Cod. Vat. gr. 1405. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 838–849.
- Chernoglazov, D. 2018: Ancient rhetorical tradition in late Byzantium: Observations on Pseudo-Psellus' manual on letter writing. *Aspects of the Ancient Rhetorical Tradition in Byzantium*. Belgrade (in print)
- Grünbart, M. 2005: *Formen der Anrede im byzantinischen Brief vom 6. bis zum 12. Jahrhundert*. Wien
- Hartmann, F. 2013. *Ars dictaminis. Briefsteller und verbale Kommunikation in den italienischen Stadtkommunen des 11. bis 13. Jahrhunderts*. Ostfildern
- Hunger, H. 1978: Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München
- Karlsson, G. 1959: *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine*. Uppsala
- Koskenniemi, H. 1956: *Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr.* Helsinki
- Kovelman, A. 1984: Rhetoric of petitions and mass consciousness in Roman Egypt. *Vestnik drevnej istorii* 2 (168), 170–184.
Ковельман, А. Б. 1984: Риторика прошений и массовое сознание в римском Египте. *Вестник древней истории* 2 (168), 170–184
- Littlewood, A. R. 1999: The Byzantine Letter of Consolation in the Macedonian and Comnenian Periods. *Dumbarton Oaks Papers* 53, 19–41.
- Malosse, P.-L. 2004: *Les traités épistolaires du Pseudo-Libanios et du Pseudo-Démétrios de Phalère* (introd., trad. et comm.). Paris

- Murphy, J. J. 1981. *Rhetoric in the Middle Ages: a history of rhetorical theory from Saint Augustine to the Renaissance*. Berkeley.
- Rabe H. 1909: Aus Rhetoren-Handschriften: 9. Griechische Briefsteller. *Rheinisches Museum für Philologie* 64, 284–309.
- Sykutris, J. 1928/1929: Proklos περί ἐπιστολιμαίου χαρακτήρος. *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher* 7, 108–118.
- Thraede, K. 1970: *Grundzüge griechisch-römischer Briefftopik*. München.

D. A. Chernoglazov. How to write a petition to a grandee? Byzantine textbook on *ars epistolandi* and its practical significance

The subject of the present research is an anonymous letter writing manual, written in the 12th – 13th c. (further, Ch40). The treatise includes 40 letter models relating to 40 types of letters. Names of types go back to Pseudo-Libanius' treatise *Characteres epistolici* (5th c.). It is very likely that the Ch40 was used as a school textbook during the course of rhetoric, and its model letters functioned, in particular, as exercises on the theory of rhetorical argumentation.

In this article, we are trying to prove that the Ch40 is not only a collection of rhetorical exercises, but also a practical guide to epistolary art. For this purpose we consider model letters in the context of the epistolary practice of the 9th – 15th cc. The examples of the “friendly”, “wishing”, “replying” and “mixed” letter types are analysed. It is demonstrated that these letters contain not only the etiquette motives and ideas typical for epistolography, but also a number of phrases and clichés, which are used in many letters of the middle and late Byzantine period. It is pointed out that Ch40 pays special attention to letters of request, in which the author addresses a high-ranking addressee and asks for material assistance or intercession. This variety is represented by 4 letters formally belonging to 4 different types. This group includes the “mixed” letter, the most extensive in the collection. The ability to write a petition correctly and gracefully was in great demand, and the attention paid to this type of letter in Ch40 is a clear evidence of its practical orientation. As a practical guide to *ars epistolandi*, the Ch40 differs from other manuals of this kind, which were used exclusively as school textbooks.

Key words: Byzantine letter writing; epistolary theory; letter writing manuals; Byzantine educational system; rhetorical theory; Pseudo-Libanius; *Characteres epistolici*.